

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

*Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 60—91.
Intelligentsia and the World. 2023. No. 3. P. 60—91.*

Научная статья

УДК 94(3):930.2

DOI: 10.46725/IW.2023.3.4

«БУДЬ СЧАСТЛИВЕЕ АВГУСТА И ЛУЧШЕ ТРАЯНА»: ИМПЕРАТОР ТРАЯН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАТИНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ И БИОГРАФОВ IV В.

Дмитрий Валерьевич Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть образ императора Траяна, сложившийся в латинской языческой историографии IV в. Вместе с тем мы также попытаемся ответить на вопрос о том, какие задачи ставили для себя языческие историки и биографы, всесторонне разрабатывая биографию этого правителя в своих исторических трудах. Для реализации этой цели мы обратимся к анализу текстов произведений Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Феста, безымянного автора «Эпитом из Цезарей», Аммиана Марцеллина и сборника биографий «*Scriptrores Historiae Augustae*». Стоит отметить, что при всей обширности историографии, как отечественной, так и зарубежной, посвященной Траяну, специальных исследований о влиянии образа этого императора на историческую литературу IV в. практически нет. Однако для всех проана-

лизированных нами исторических трудов образ Траяна стал во многом структурообразующим. Вся внешняя и внутренняя политика, моральные качества императоров явно или неявно оцениваются и сравниваются с Траяном. Также стоит подчеркнуть, что образ Траяна у историков IV в. нес и пропагандистскую составляющую. Стремление отомстить за неудачи третьего века и установить полное господство на Востоке является лейтмотивом, проходящим через всю историю четвертого века. Именно для этого и привлекался образ Траяна, как наиболее удачливого полководца, который «расширил по всем направлениям» границы Римского государства, показывая тем самым наиболее актуальные задачи для внешней политики того времени. Историки и биографы достоверно воспроизводят главные завоевания императора, хотя жанр, выбираемый каждым из них, диктует и соответствующий набор фактов.

Ключевые слова: Марк Ульпий Траян, Секст Аврелий Виктор, Евтропий, Фест, Плиний, бревиарии, поздняя Римская империя, Парфия, Персия

Для цитирования. Кареев Д. В. «Будь счастливее Августа и лучше Траяна»: император Траян в произведениях латинских языческих историков и биографов IV в. // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 60—91.

Original article

“BE HAPPIER THAN AUGUSTUS AND BETTER THAN TRAJAN”: EMPEROR TRAJAN IN THE WORKS OF LATIN PAGAN HISTORIANS AND BIOGRAPHERS OF THE IV CENTURY

Dmitrij V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Abstract. The article attempts to examine the image of the Emperor Trajan, which developed in the Latin pagan historiography of the IV century. At the same time, we will also try to answer the question of what tasks pagan historians and biographers set for themselves, comprehensively developing the biography of this ruler in their historical works. To achieve this goal, we will turn to the analysis of the texts of the works of Sextus Aurelius Victor,

Eutropius, Festus, the unnamed author of the “Epitomes from Caesars”, Ammianus Marcellinus and the collection of biographies “Scriptores Historiae Augustae”. It is worth noting that with all the vastness of historiography, both domestic and foreign, dedicated to Trajan, there are practically no special studies on the influence of the image of this emperor on the historical literature of the IV century. However, for almost all of the historical works analyzed by us, the image of Trajan has become largely structure-forming. The entire foreign and domestic policy, the moral qualities of the emperors are explicitly or implicitly evaluated and compared with Trajan. It is also worth emphasizing that the image of Trajan among historians of the IV century also carried a propaganda component. The desire to avenge the failures of the third century and establish complete domination in the East is a leitmotif that runs through the entire history of the fourth century. It was for this purpose that the image of Trajan was attracted, as the most successful commander who “expanded in all directions” the borders of the Roman state, thereby showing the most urgent tasks for the foreign policy of that time. Historians and biographers reliably reproduce the main conquests of the emperor, although the genre chosen by each of them dictates the corresponding set of facts.

Keywords: Marcus Ulpius Traianus, Sextus Aurelius Victor, Eutropius, Festus, Pliny, Breviary, late Roman Empire, Parthia, Persia

For citation: Kareev, D. V. (2023), ‘“Be happier than Augustus and better than Trajan”: Emperor Trajan in the works of Latin pagan historians and biographers of the IV century’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 60—91 (in Russ.).

Введение

Актуальность. “*Felicior Augusto, melior Traiano*” — так написал римский историк IV в. Евтропий в VIII книге своего «Бревиария», одновременно обращаясь к будущим принцепсам и вместе с тем подводя итог правлению императора Марка Ульпия Траяна. Действительно, фигура этого императора для латинской языческой историографии поздней античности была весьма и весьма знаковой по некоторым причинам. Первая из них заключается в том, что мир языческих историков и биографов поздней Римской империи был во многом погружен в славное прошлое Рима, связанное

с чередой постоянных завоеваний и увеличения территории государства. Особенно это касалось внешнеполитических событий на Востоке, где Рим, начиная с III в., с переменным успехом вел войны с Персидским царством. В этом свете завоевательная политика Траяна всегда казалась неким образцом, почти пропагандистским идеалом для проведения всей внешней политики императорами IV в. Во-вторых, возрождение интереса со стороны языческих писателей к жанру морализаторской биографии подталкивало их рассматривать сквозь эту призму почти всю историю Рима, в которой Траян был одной из ключевых фигур. И, наконец, в-третьих, это постоянные «поиски» в античной историографии фигуры идеального императора. В рамках этого дискурса образ Траяна, созданный историками и биографами поздней античности, занимал особое, почетное место в ряду выдающихся правителей прошлого.

Таким образом, вышеуперечисленные причины обуславливают актуальность нашей работы. Образ Траяна, фиксируемый у позднеантичных историков и биографов, в целом стал знаковым не только по причине поисков ими фигуры идеального правителя или в целях пропаганды для императоров IV в., но и поскольку этот образ во многом оказал влияние на концептуальные установки и структуру их произведений. Это дает возможность современному исследователю наиболее полно увидеть картину идеологических установок, господствовавших в среде латиноязычной языческой историографии того времени, так как именно она во многом была «ответственна» за весь нарратив сведений об этом императоре.

Историографический обзор. Стоит отметить, что до недавнего времени при всей обширности как отечественной, так и зарубежной историографии [Bennet, 2005], посвященной Траяну, специальных исследований о влиянии образа этого императора на историческую литературу IV в. практически не было. Из работ, до недавнего времени напрямую касающихся данной проблематики, особо стоит отметить три. Первая из них — статья К. Лайтфута, посвященная парфянским кампаниям Траяна и их отражению в исторической литературе IV в., которая в лице двух ее представителей, Евтропия и Феста, побуждала императора Валента к все более активной внешней политике на восточных границах

Римской империи [Lightfoot, 1990: 115—126]. Вторая — исследование Д. Бургерсдайка о влиянии «Панегирика императору Траяну» Плиния Младшего на образы императоров у авторов сборника биографий «*Scriptores Historiae Augustae*» [Burgersdijk, 2013: 289—312]. И третья — это работа К. Криста о формировании образа идеального императора в произведении Секста Аврелия Виктора «О Цезарях» [Christ, 2005: 177—200].

Однако в 2015 г. вышла диссертация Э. Тиенеса, посвященная собирательному образу Траяна в архитектуре, скульптуре и текстах IV в. [Thienes, 2005]. В связи с проблематикой нашей работы особый интерес представляет третья глава, где автор рассматривает образ этого императора, сложившийся в языческой и христианской историографии IV в. Но, преследуя общую цель показать память о Траяне в обществе IV в., автор, как нам кажется, выпускает из поля своего внимания ряд важных моментов. Среди них можно отметить следующие. Во-первых, все языческие историки и биографы рассматриваются Э. Тиенесом отдельно, каждый сам по себе, вне сравнения и сопоставления их произведений, что, по нашему мнению, не позволило дать исследователю в качестве развернутого вывода единное представление данных авторов о Траяне. Во-вторых, в диссертации Э. Тиенеса отсутствует понимание того, как образ Траяна, в свою очередь, повлиял на концептуальные установки языческих авторов IV в. И, в-третьих, недостаточно, на наш взгляд, выражено понимание проблемы трансформации образа идеального императора вообще, и, Траяна, в частности, в течении I—III вв.

Постановка вопроса. Цель нашей работы — комплексное представление об императоре Траяне, сложившееся в произведениях латинских языческих историков и биографов IV в. Вместе с тем, мы также попытаемся ответить на вопрос о том, какие задачи ставили для себя языческие историки и биографы, всесторонне разрабатывая биографию этого правителя в своих исторических трудах. Для реализации этой цели мы обратимся к анализу текстов произведений Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Феста, безымянного автора «Эпитом из Цезарей», Аммиана Марцеллина и сборника биографий «*Scriptores Historiae Augustae*».

Методология и методы исследования

Исходя из представленной актуальности и поставленной цели, в работе используются и сочетаются историко-компаративный и нарративный методы исторического анализа, которые направлены на выяснение того, какое место занимал Траян в произведениях языческих историков и биографов IV в.

Основная часть

Император Траян в исторической литературе IV в.

Все заявленные в нашем исследовании источники, в которых содержатся сведения о Траяне, условно можно разделить на две основные группы. К первой из них мы отнесем сочинения Секста Аврелия Виктора, Евтропия и безымянного автора «Эпитомы из Цезарей». Именно в их произведениях содержится, насколько это возможно, полная структурированная биография императора. Вторая группа — это сочинения Феста, Аммиана Марцеллина и сборник биографий “*Scriptores Historiae Augustae*” (далее: SHA). Здесь мы находим или подробности внешней политики Траяна (Фест), или отдельные отрывочные факты его биографии, разбросанные по всему тексту произведения (Аммиан Марцеллин и SHA). Рассмотрим эти две группы источников более подробно.

Первая группа источников:

1. Сочинения *Секста Аврелия Виктора*. Историческое сочинение Секста Аврелия Виктора, получившее в современной науке название «О Цезарях» (“*Liber de Caesaribus*”), было начато не ранее 358 г., и завершено между 9 сентября 359 г. и 8 сентября 360 г. [Aurelius Victor, 1975: XV]. Оно представляет собой сборник биографий императоров, начиная с Октаавиана Августа и заканчивая концом правления Констанция II. Полное название труда Аврелия Виктора “*Aurelii Victoris Historiae Abbreviatae ab Augusto Octaviano id est a fine Titi Livii, usque ad consulatum decimum Constantii Augusti et Iuliani Caesaris tertium*” [Ibid.: VII—VIII]. Текст разбит на 42 главы. Биографии Траяна полностью посвящена XIII глава. В ней мы можем выделить следующие структурные элементы: 1) приход к

власти, 2) внешние военные успехи, 3) внутренние дела, 4) личные качества Траяна, 5) итоги правления Траяна.

2. Сочинения *Евтропия*. «Бревиарий от основания Города» (“Breviarium ab Urbe condita”) Евтропия, вероятнее всего, был создан после военной кампании императора Валента против готов в 369—370 гг. [Кареев, 2004: 17]. В «Бревиарии» изложена вся канва истории Римского государства, начиная с основания Рима Ромулом и вплоть до 364 г. включительно. В своем труде Евтропий попытался соединить два основных жанра римской историографии: анналы и биографии императоров. Текст разбит на 10 книг. Правлению Траяна посвящены отдельные параграфы VIII книги «Бревиария». Соответственно, вся информация о Траяне у Евтропия располагается следующим образом: 1) происхождение Траяна и обстоятельства прихода к власти, 2) внешние военные успехи, 3) характер правления Траяна, 4) место и обстоятельство смерти императора, его похороны, посмертные почести и продолжительность его правления.

3. «Эпитома из Цезарей». Вопрос об авторстве сочинения, которое обычно в науке именуется как «Эпитома из Цезарей» (“Epitome de Caesaribus”), до сих пор остается нерешенным [Там же: 13]. Предположительно, оно было создано в конце IV — начале V в., охватывает период времени от Октавиана Августа до Феодосия и структурно схоже с трудом Секста Аврелия Виктора. Полное название этого произведения “Incerti Auctoris Epitome De Caesaribus libellus de vita et moribus imperatorum breviatus ex libris Sexti Aurelii Victoris a Caesare Augusto usque ad Theodosium” [Epitome de Caesaribus, 1911: 133]. В отличие от «Цезарей» Виктора, текст «Эпитомы» разбит на 48 глав. Биографии императоров, вошедшие в этот сборник, обладают гораздо менее четкой структурой, чем те, которые мы находим в исторических трудах Секста Аврелия Виктора и Евтропия. Как и у Аврелия Виктора, Траяну посвящена XIII глава «Эпитомы». В ней мы, хотя и с трудом, можем выделить следующие структурные компоненты: 1) происхождение Траяна и его приход к власти, 2) личные качества Траяна и обстоятельства его погребения, 3) внутренняя политика Траяна.

Вторая группа источников:

1. Сочинения *Феста*. «Бревиарий деяний римского народа» (“*Breviarium rerum gestarum populi Romani*”) Феста был создан в 370 г. по поручению императора Валента [Festus Rufius, 1994: V—VI] (в это же время и Евтропий завершил свое произведение, также адресованное этому императору). Он представлял собой сжатый компендий, направленный, с одной стороны, на краткую, преимущественно военную, историю всего Римского государства, начиная с Ромула, а с другой стороны, — на описание войн, которые римляне вели на Востоке. Как и Евтропий, Фест довел свое повествование до 364 г., то есть до начала правления Валента. В «Бревиарии» Феста содержится наиболее полная информация о внешнеполитической деятельности Траяна, отчасти пересекающаяся с данными «Бревиария» Евтропия. Структурно она располагается в двух местах его исторического сочинения: 1) порядок образования провинций Римского государства, 2) история внешней политики Рима на Востоке.

2. Сочинения *Аммиана Марцеллина*. Аммиану Марцеллину принадлежит последнее крупное историческое произведение в латинской языческой историографии “*Res Gestae*”, за которым закрепился весьма приблизительный перевод — «Римская история». Повествование в нем доведено до 378 г., и, предположительно, Аммиан опубликовал свою работу в начале 390-х гг. [Rohrbacher, 2002: 16]. Первоначально “*Res Gestae*” включало в себя 31 книгу, однако до нас дошли только книги с 14 по 31, охватывающие события с 353 по 378 г. В силу этого повествование Аммиана о Траяне утеряно, однако упоминания императора присутствуют в разных частях дошедшего до нас текста. Поэтому структурно эти упоминания также целесообразно разбить на две группы: 1) упоминания о внешнеполитических успехах Траяна и 2) упоминания о личных качествах Траяна.

3. *Scriptores Historiae Augustae*. Этот источник представляет собой одно из самых загадочных исторических сочинений IV в. Полное его название, сохранившееся в одном из старейших кодексов, “*Vitae diversorum principum et tyrannorum a divo Hadriano usque ad Numerianum*” [Scriptores Historiae Augustae, 1971: XIII].

В настоящее время этот сборник биографий императоров чаще всего проходит под названием “*Scriptores Historiae Augustae*”. Он представляет собой биографии императоров и узурпаторов начиная с Адриана и заканчивая Карином и Нумерианом, т. е. охватывает период со 117 по 285 гг. Эти биографии написаны шестью разными, ранее нигде не упоминавшимися историками, Элием Спартианом, Элием Лампридием, Юлием Капитолином, Вулкацием Галликаном, Флавием Вописком и Требеллием Поллионом, которые утверждают, что сочинили свои произведения во время Первой Тетрархии и во время правления Константина I [Birley, 2003: 145]. Однако на сегодняшний день исследователи склоняются к тому, что эти биографии были созданы, скорее всего, в конце IV или в самом начале V в. одним автором [Ibid.: 144]. У автора или авторов SHA отсутствует отдельная биография Траяна, хотя она логически здесь напрашивается (к этому вопросу мы ниже еще вернемся), поэтому имя императора вновь, как и у всех остальных авторов второй группы, разбросано по всему тексту источника. Оно встречается в биографиях таких императоров, как Адриан («Элий Спартиан»), Антонин Пий («Юлий Капитолин»), Септимий Север («Элий Спартиан»), Опилий Макрин («Юлий Капитолин»), Александр Север («Элий Лампридий»), Гордианы («Юлий Капитолин»), Аврелиан («Флавий Вописк») и Тацит («Флавий Вописк»).

Император Траян как идеальный правитель в языческой латинской историографии IV в.

В сборнике биографий “*Scriptores Historiae Augustae*” биограф императора Аврелиана, завершая историю жизни правителя, задается следующим риторическим вопросом: «Чем мне объяснить то, что хороших государей было так мало, хотя Цезарей было большое количество? В государственном списке содержится последовательный ряд порфироносцев, начиная с Августа и до государей Диоклетиана и Максимиана. Среди них лучшими являются сам Август, Флавий Веспасиан, Флавий Тит, Кокцей Нерва, божественный Траян, божественный Адриан, Антонины Пий и Марк, Север африканец, Александр, сын Маммеи, божественный Клавдий и божественный Аврелиан» [Властелины Рима, 1992: 286]. Есть веские основания предполагать, что автор SHA фактически

основывал этот список правителей, предположительно опираясь на некий «официальный» документ, в котором перечислялись канонические императоры, «назначенные» божественными уже во времена автора и, следовательно, постоянно, а не только временно, признанные «хорошими» [Haake, 2015: 275]. Одной из главных тем сборника SHA является чередование хороших, плохих и нейтральных императоров — с особым вниманием к узурпаторам и тиранам. В SHA есть также и несколько сквозных подтем, среди которых возможность того, что сын хорошего императора вполне может оказаться плохим преемником, как об этом эмоционально говорится от лица Септимия Севера в заключительных строках его биографии [Властилины Рима, 1992: 95]. Сама по себе идея о том, что за плохим правителем следует хороший и наоборот, далеко не уникальна в латинской литературе, но она набирала силу в течение первого века существования Римской империи вместе с накоплением примеров императоров в последующих династиях. Еще в своем «Панегирике императору Траяну», в то время когда память о правлении Домициана все еще была свежа в умах сенаторов, Плиний Младший сделал своей главной темой оппозицию между хорошими и плохими правителями [Burgersdijk, 2013: 92].

По сути, с таким почти что «хрестоматийным» перечнем хороших и дурных правителей мы сталкиваемся в любом из исторических произведений IV в. И образ императора Траяна оказывается в этих сочинениях одним из центральных, если не структурообразующим, для тех императоров, которые во всем должны были следовать подобному образцу.

К этому следует добавить и то, что еще в политической мысли раннего принципата все большее значение начинает приобретать проблема прав и обязанностей правителя. Эта проблема законности и морально-этических качеств, доблестей и добродетелей правителя как гражданина слилась воедино в совокупность требований и достоинств, обеспечивающих законное правление. Именно к IV в. накапливается достаточная информация для создания канона императора, отталкиваясь от которого можно вычленить две линии правителей: образцовых, хороших, популярных и дурных, непопулярных [Кареев, 2004: 148]. Общественная идеология

придавала очень большое значение роли личности императора и ее влиянию в целом на жизнь всего общества. Как следствие, это выразилось в господстве биографического жанра в исторической литературе. Также можно говорить и о складывании к тому времени образа идеального правителя-императора, законно избранного, пользующегося своей властью по воле богов, правящего разумно, мужественно, справедливо [Там же: 149]. Значение единоличной власти как гаранта стабильности существующих порядков и общего блага обусловило постановку вопроса и о персональных качествах правителя. При этом разрабатывалась концепция не только императора-спасителя, но и императора-тирана, губителя и разрушителя, на формирование которой, по-видимому, оказала влияние политическая ситуация, сложившаяся в Риме в III в. н. э., прежде всего частая смена правителей, среди которых было множество узурпаторов. Но основы тех требований, которые политическая теория предъявляла монарху, начали формироваться еще в эпоху принципата. При этом подспудно шла борьба двух тенденций — императорской, «имперской», где прослеживалось стремление сделать императорскую власть абсолютной, теократической еще в большей мере, чем раньше; и сенаторской, согласно которой идеальный монарх был обязан править в согласии с сенатом, выражать его интересы, в своей деятельности не вмешиваться во внутренние дела, которые должны быть предоставлены в ведение сената и местной знати, и исполнять функцию главнокомандующего [Там же].

Именно такие, просенатские позиции, активно отстаивали в своих трудах большинство языческих интеллектуалов IV в. Эпоха т. н. «приемных» императоров, начатая Траяном, представляет собой кульминацию всего биографического сборника Секста Аврелия Виктора [Christ, 2005: 181]. Этому предшествует краткий рассказ об общих итогах правления императора Домициана, в котором Виктор приводит одно из своих самых важных риторических отступлений относительно самой сути власти в Римском государстве. Он указывает, что «*до сего времени Империей правили рожденные в Риме или в Италии; в дальнейшем же — чужеземцы и, может быть, даже намного лучшие, как это было при Тарквинии*

Старшем. Я и сам убедился на основании прочтеноной литературы и разнообразной молвы, что город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» [Секст Аврелий Виктор, 1997б: 88—89] (“*Hactenus Romae seu per Italiam orti imperium rexere, hinc advenae quoque; nescio an ut in Prisco Tarquinio longe meliores. Ac mihi quidem audienti multa legentique plane compertum urbem Romam externorum virtute atque insitivis artibus praecipue crevisse*”) [Aurelius Victor, 1975: 17]. В связи с этим представляется весьма справедливым тезис Е. М. Штаерман, которая полагает, что «новая, начавшаяся с прихода к власти Нервы политика, обусловливалась главным образом неким компромиссом между принцепсом и сенатом, что стало возможно благодаря значительному изменению состава последнего, пополнению его людьми из итальянских городов, затем из провинций; людьми, гораздо менее связанными с традициями римской аристократии и высоко оценившими преимущества единоличного правления. Для них основной интерес сосредоточивался уже не на воспоминаниях о прошлом, которое не было их прошлым, а на настоящем, на фигуре некоего идеального принцепса, способного их удовлетворить» [Штаерман, 1985: 69]. Эту мысль, продолжает Ю. Б. Циркин: «новые сенаторы, пришедшие из Италии и, особенно из провинций, зависели от императора и требовали от него только уважения, безопасности и прислушивания к их требованиям, пожеланиям и высказываниям. Такого мудрого господина они и нашли в Траяне, поэтому сенат совершенно искренне присвоил ему титул “лучшего принцепса”» [Циркин, 2018: 295].

Во многом своеобразные стандарты образа идеального принцепса установил еще Плиний. Год четырех императоров и последовавшая гражданская война еще были живы во времена Плинния и в памяти членов римского сената, вследствие чего и принцепс должен быть возвысившимся «не в пылу гражданской войны и не в момент стеснения государства оружием, но данный внявшими молениями земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление» [Панегирик императору Траяну, 1983: 215] (“*Talem esse oportuit, quem non bella ciuilia nec armis oppressa respublica, sed pax, et adopto, et tandem exorata terris*

numina, dedissent") [Plini Caecili Secundi, 1873: 241]. «*Вот новый и неслыханный путь к принципату*» (*“O nouum atque inauditum ad principatum iter!”*) [Plini Caecili Secundi, 1873: 243], — восклицает Плиний в самом начале своего «Панегирика» [Панегирик императору Траяну, 1983: 216], и поэтому тема усыновления для него так исключительно важна, тем более что приход к власти Траяна был, действительно, неординарным событием для всего Римского государства [Данилова, 2015: 65]. Для IV в., как и для начала II в., все еще актуальна была фраза автора «Панегирика», что «*для государя, почившего мирно, избрав себе преемника, единственный и притом надлежащий залог божественности — добрый преемник*» [Панегирик императору Траяну, 1983: 219] (*In principe enim, qui electo successore fato concessit, una itemque certissima diuinitatis fides et bonus successor*) [Plini Caecili Secundi, 1873: 246].

Как мы видим, в идеологических конструкциях принципата конца I — начала II в. важнейшую, если не одну из главных, роль играл сенат. Данное обстоятельство нашло свое дальнейшее отражение и в исторических сочинениях IV в., где во многом образ добродетельного, идеального правителя зависел от того, как последний относится к этому старейшему институту власти Рима. Естественно, что Траян воспринимался именно как тот император, который восстановил пошатнувшуюся роль сената, на фоне тирании Домициана, и, по сути, вернул государство к его республиканским истокам, к его изначальной свободе [Циркин, 2018: 295—296]. Этот факт стал определяющим и для пропаганды историков IV в., хотя сам сенат к тому времени в центральном треугольнике власти имперской эпохи (император—сенат—армия) занимал наиболее слабое и невыгодное положение, играя, по большей части, пассивную роль в структуре власти [Christ, 2005: 190].

Как заметил В. дэн Боэр, больше всех в латинской языческой историографии IV в. ценит правление Траяна Евтропий. Согласимся с этой позицией, тем более, что если в IV в. и был историк, защищавший честь сенаторов, то это был именно автор «Бревиария от основания Города» [Boer W. den, 1972: 40]. Евтропий даже считает нужным особо упомянуть, что «*никому из сенаторов он не причинил вреда... так что за все время его правления только один*

сенатор был признан виновным и то самим сенатом и по неведению Траяна» [Евтропий, 2001: 114] (*“adeo ut omni eius aetate unus senator damnatus sit atque is tamen per senatum, ignorante Traiano”*) [Там же: 62]. Также Евтропий приводит одно из высказываний Траяна, которое в его изложении выглядит следующим образом: *“Amicis enim culpantibus, quod nimium circa omnes communis esset, respondit talem se imperatorem esse privatis, quales esse sibi imperatores privatus optasset”* [Там же]. Эти слова, подразумевают для историка своеобразный идеал сотрудничества между сенатом и императором. Эта комплиментарность во многом происходит от менталитета самого Евтропия, менталитета придворного, сенатора [Boer W. den, 1972: 40]. Начиная свою восьмую книгу с восшествия на престол Нервы, Евтропий, по сути, постулирует своеобразную «новую эру» в римской истории. Он пишет: *“Anno octingentesimo et quinquagesimo ab urbe condita, Vetere et Valente consulibus, res publica ad prosperrimum statum rediit, bonis principibus ingenti felicitate commissa”* [Евтропий, 2001: 61]. В этом контексте упоминание о консульстве Валента является далеко не беспричинным. Только в одном случае в имперский период упоминается консульство: в заключительной главе «Бревиария», как бы хронологически обрамляя всю императорскую историю [Там же: 114]. Как и в случае с Нервой и Траяном, «новая эра» для Империи также должна начаться с Валента, но уже с императора. Вскоре из текста становится очевидным, что Траян был самым почитаемым императором у Евтропия. Ни одному другому человеку не дано такого обширного и хвалебного описания в «Бревиарии».

Одновременно историк глубоко и искренне восхищается значительным расширением Империи и посвящает два абзаца описанию внешнеполитических достижений Траяна. Евтропия не мучают сомнения в правильности этой политики экспансии. Напротив, его критика преемников Августа сосредоточена на том факте, что хотя они и обороняли границы Империи, но не *«ко славой ее увеличивали»* [Там же] (*“Romani imperii, quod post Augustum defensum magis fuerat quam nobiliter ampliatum”*) [Там же: 61]. Страх Евтропия перед вторжением, проистекающий из его акцента на внешних, наступательных войнах, составляет фон, на котором

развертывается его сравнительно подробный рассказ о завоеваниях Траяна. И это вполне согласуется с тем, что его прекрасная картина не омрачена никаким упоминанием о неудаче экспедиции Траяна на Востоке. Как считает В. дэн Боэр, можно задаться вопросом, почему и здесь страх перед внешним вторжением не побудил Евтропия сделать предупреждение для своих современников, вдохновленное истинным ходом событий. Вероятно, историк чувствовал, что ничто не должно омрачать совершенство этого вдохновляющего примера. Описание этого периода не должно было закончиться на пессимистичной ноте, чтобы подтвердить истинность известного высказывания, провозглашенного при последующем императорском престолонаследии: «[будь] счастливее Августа и лучше Траяна». Евтропию совсем не нужно умалчивать о возвращении Траяна с востока, где события развивались не столь оптимистично, как хотелось бы автору «Бревиария». Ему нужен был своеобразный контраст с описанием внешнеполитической деятельности на восточных границах Рима преемника Траяна Адриана, репутация которого в сенаторских кругах была не так хороша, а в некоторых отношениях даже сомнительна [Boer W. den, 2003: 41—42].

Для Секста Аврелия Виктора историческая эпоха, начавшаяся с правления Нервы, представляет собой, как и для Евтропия, особый этап римской истории, по сути, кульминацию всего произведения. Как и в «Бревиарии» Евтропия, Виктор хвалит Траяна с самого начала и повсюду. Биограф был явно недостаточно информирован о деталях усыновления Траяна, однако поведение отрекшегося от престола Нервы вызывает у него восхищение, выразившееся в традиционном для него риторическом отступлении о судьбах императорской власти: *“Qui cum extrerna aetate apud Sequanos, quo tyranni decessit metu, imperium arbitrio legionum cepisset, ubi perspexit nisi a superioribus robustioribusque corpore animoque geri non posse, mense sexto ac decimo semet eo abdicavit”* [Aurelius Victor, 1975: 17]. Далее он пишет: *“Id cum semper egregium sit metiri, quantum queas, neque ambitione praeceps agi, tum in imperio, cuius adeo cupidi mortales sunt, ut id vel ultima senectus avide petat”* [Ibid.:17]. Все эти отступления являются риторическим переходом Аврелия Виктора, своеобразной «подготовкой» читателя к жизне-

писанию Траяна. Само собой разумеется, что на первом плане традиционные для историографии IV в. военные успехи императора против даков и парфян; якобы Траян вел войну против всех племен между Евфратом и Индом [Ibid.: 18]. Но подробное описание военных действий — это не то, что мог поставить себе в заслугу Аврелий Виктор. Как отметил К. Крист, «Виктор мало интересовался самими военными операциями, будь то театры военных действий на Рейне, Дунае и Ближнем Востоке, или деталями ведения войны. Единственное исключение — боевые действия в Северной Африке» [Christ, 2005: 190—191]. Из других видов внешней, пограничной и внутренней политической деятельности особое внимание уделяется усовершенствованию и общественной пользе *cursus publicus*, которая вновь дает ему повод для общего размышления о влиянии моральных принципов на государство [Секст Аврелий Виктор, 1997б: 90].

В целом, можно присоединиться к мнению К. Криста, что нравы правителей часто занимают у Аврелия Виктора больше места, чем факты, связанные с их внешнеполитической деятельностью [Christ, 2005: 188]. Поэтому история морали римских императоров составляет основу всего исторического произведения Аврелия Виктора, как уже неоднократно отмечалось в зарубежной и в отечественной историографии. Однако, в отличие от Евтропия, он не столь красноречив в отношении положительных эпитетов для императора. Если в «Бревиарии» мы видим целый абзац, специально отведенный Евтропием для восхваления императора, то Аврелий Виктор ограничивается весьма скромной фразой, что Траян «был справедлив, милостив, долготерпелив, весьма верен друзьям» [Секст Аврелий Виктор, 1997б: 19] (*“Aequis clemens patientissimus atque in amicos perfidelis”*) [Aurelius Victor, 1975: 19].

В этом отношении должен быть близок к оценке Аврелия Виктора его анонимный последователь, автор «Эпитомы из Цезарей». Однако этого мы не наблюдаем. Так, если Виктор справедливо обращает внимание на внешнюю политику Траяна, то в «Эпитоме» военные успехи принципса полностью отсутствуют, за исключением одного очень общего наблюдения, что «он был вынослив в труде, внимателен к каждому деятельности и пригодному

для войны человеку» [Секст Аврелий Виктор, 1997а: 137] (“*Fuit enim patiens laboris, studiosus optimi cuiusque ac bellicosi*”) [Epitome de Caesaribus, 1911: 148]. Виктор также уделяет больше внимания общественным работам Траяна в Риме, в то время как автор «Эпитомы» говорит только о термах Суры в связи с дружбой императора с его ближайшим сподвижником Лицинием Сурой. Эти неизбежные личные анекдоты также ограничиваются у Аврелия Виктора двумя примерами, которые иллюстрируют дружбу Траяна с высокопоставленными Лицинием Сурой и Секстом Аттием Субураном Эмилианом. И эта дружба должна быть образцом и для современников Виктора. Неудивительно, что поведение Траяна казалось «образцовым» в противоположность многим императорам I в. Выбор Виктора из богатства анекдотов по существу показателен и, насколько нам известно, оригинален. С другой стороны, автор «Эпитомы» мало что может предложить своему читателю. Так, он объясняет отношения императора с его друзьями, в частности, с Лицинием Сурой тем, что тот был не более чем фаворитом, который ему помог достичнуть власти (“*Hic ob honorem Surae, cuius studio imperium arripuerat, lavacra condidit*”) [Epitome de Caesaribus, 1911: 148]. Далее следует большое риторическое отступление, сродни тому, которые мы видим в «Бревиарии» Евтропия, посвященное высоким моральным достоинствам императора. По мнению В. дэн Боэра, эта риторическая пауза нужна, чтобы скрыть пробелы в элементарном незнании материала [Boer W. den, 1972: 37]. Голландский историк полагает, что вместо того, чтобы подробно описывать действия императора, он произносит стандартную хвалебную речь о его жизни и характере, которая занимает большую часть его скучного повествования и включает (как бы педантичен он ни был) замечание о плохом образовании императора и посредственном ораторском искусстве [Ibid.: 37]. Но автор «Эпитомы» указывает на некоторые детали, упущенные Виктором, прежде всего на законодательную деятельность Траяна, а также стихийные бедствия, строительные нормы и уникальную церемонию погребения. Возможно, для него характерно и то, что он считает необходимым упомянуть о чудесах, истолкованных как божественные знамения в пользу восшествия на престол им-

ператора. Почему же Аврелий Виктор не считал нужным указать на, казалось бы, очевидную связь между божественными предзнаменованиями и императорской властью? В. дэн Боэр считает, что это было «ниже его достоинства», хотя историк и был далек от скептицизма в отношении различного рода предзнаменований [Ibid.: 37—38]. Виктора волновало то, что современные исследователи до сих пор считают историческими проблемами: война с парфянами и преемственность власти. Нигде разница в качестве представления своего исторического материала между этими двумя биографиями не проявляется более отчетливо. Автор «Эпитомы» полностью обходит молчанием эти темы. Аврелий Виктор дает обоснованную версию, особенно о Парфянской войне, но текст, к сожалению, решительно загадочен [Ibid.: 38]. Но одно несомненно: Траян по поручению сенаторов вновь отправился в поход, в котором и умер от болезни [Aurelius Victor, 1975: 19]. Точка зрения Виктора, безусловно, основана на сенаторской традиции, традиции взаимоотношения Сената и идеализированного принцепса.

Теперь обратимся к источнику, в котором полностью отсутствует жизнеописание Траяна, хотя образ именно этого императора, по всей видимости, оказал существенное влияние на весь текст этого исторического произведения. Речь идет о сборнике биографий “*Scriptores Historiae Augustae*”. Как мы уже отметили, упоминание о Траяне разбросано по всему тексту этого произведения.

По мнению Д. Бургерсдайка, непосредственное влияние на концептуальные установки SHA оказал «Панегирик Траяна» Плиния. Он использовал его, чтобы представить основную тему своей серии биографий — противопоставление *boni malique imperatores* — и сформировать тем самым, на закате языческой эпохи, свое, оригинальное представление об идеальном принцепсе. Тот факт, что автор никогда не упоминает Плиния Младшего по имени, не является чем-то необычным в его образе действий: было обнаружено еще несколько параллелей с неназванными авторами, такими как Корнелий Непот, Плиний Старший и Ювенал [Burgersdijk, 2013: 311]. Следует отметить, что, панегирический тон биографий Клавдия, Аврелиана, Тацита и Проба, вероятнее всего, был вдохновлен похвалой Плиния Траяну.

Автора SHA прежде всего интересует вопрос о том, как хорошего императора может сменить другой хороший император. Эта тема, которая является одной из важных уже в биографии Адриана, возникает тогда, когда Адриан искал себе хорошего преемника, после того как он сам был успешно усыновлен своим предшественником Траяном. Вполне возможно, приходит к выводу Д. Бургерсдейк, что именно Плиний дал начало этой теме в исторической литературе, когда описывал, как Нерва ввел адаптивную систему правления с учетом того, что назначение собственного сына так же безопасно для империи, как и случайный выбор [Ibid.: 310]. Так, в жизнеописании Септимия Севера вставлено длинное рассуждение о естественных сыновьях императоров, которые, как правило, оказываются дурными (например, Коммод, Каракалла, Гелиогабал) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 153]. Однако автор этой биографии гораздо более пессимистичен в своих оценках той системы усыновления будущих принцепсов, которую предложил Плиний. Он считает, что «почти никто из великих мужей не оставил после себя ни одного прекрасного и полезного для государства сына. В сущности, эти мужи либо умирали бездетными, либо в большинстве случаев имели таких детей, что для человечества было бы лучше, если бы они умерли без потомства» [Властелины Рима, 1992: 95] (*“neminem facile magnorum virorum optimum et utilem filium reliquisse satis claret”*) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 152]. Эта система усыновлений оказалась нежизнеспособной, поскольку «даже сам Траян ошибся в своем соотечественнике и племяннике, выбрав его своим преемником» [Властелины Рима, 1992: 95] (*“falsus est etiam ipse Traianus in suo tunice ac nepote diligendo”*) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 153]. Ответ на вопрос, откуда берется хороший правитель, дан биографом Александра Севера, который считает, что «хорошим государем можно быть от природы, которая повсюду является единой матерью», или «под влиянием страха, так как весьма дурной был убит» [Властелины Рима, 1992: 180] (*“iam primum possum de bonorum virorum respondere sententia potuisse natura, quae ubique una mater est, bonum principem nasci, deinde timore, quod pessimus esset occisus, hunc optimum factum”*) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 302].

И вновь мы можем наблюдать схожие мотивы с «Панегириком» Плиния. У Плиния также правитель должен быть дан «внешними молениями земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление» [Панегирик императору Траяну, 1983: 215].

В конце концов, империей управляет судьба. Как выразился Плиний в «Панегирике»: *“Habet has vices conditio mortalium, ut adversa ex secundis, ex adversis secunda nascantur. Occultat utrorumque semina deus, et plerumque bonorum malorumque caussae sub diversa specie latent”* [Plini Caecili Secundi, 1873: 242]. Эта концепция причинно-следственной связи в истории, уже встречающаяся у республиканских авторов, таких как Саллюстий, полностью соответствует настрою автора SHA, как он описал ее в пространном предисловии к биографиям императоров Кара, Карина и Нуриана [Burgersdijk, 2013: 310].

Вероятно то, что мы уже никогда не узнаем, почему в сборнике биографий SHA отсутствует жизнеописание Траяна, однако можно присоединиться к гипотезе Д. Бургерсдайка, утверждавшего, что жизнеописание Траяна никогда не было написано, поскольку в нем не было необходимости [Burgersdijk, 2013: 311]. Уже был панегирик Плиния, который потенциально располагался перед жизнеописанием Адриана и не мог быть превзойден бледной биографией лучшего римского принцепса. Эта версия также может дать нам возможность лучше понять, почему жизнеописание Адриана является началом SHA.

Внешняя политика Траяна и ее отражение в исторической литературе IV в.

Из многочисленных источников широко известен тот факт, что Траяну в 114—117 гг. удалось успешно продолжить борьбу римлян против Парфии, привести римские войска в Армению и Месопотамию и приобрести территории на этих землях с целью их аннексии, чего раньше всерьез не предпринималось. Впоследствии, после катастроф III в. и потери Римом большей части прошлых территориальных приобретений, победа императора Галерия над персидским царем Нарсе в 298 г. н. э., по справедливому замечанию К. Лайтфута, «восстановила римский боевой дух и

гарантировала, что восточная граница должна была оставаться центром военной деятельности на протяжении всего четвертого века. Следовательно, существует прямая причинно-следственная связь между агрессивными действиями Траяна и событиями, сыгравшими важную роль в истории поздней Римской империи. Этот факт, по-видимому, не ускользнул от внимания современных наблюдателей четвертого века» [Lightfoot, 1990: 115].

Также не надо забывать, что, по крайней мере, два историка, Евтропий и Аммиан Марцеллин принимали непосредственное участие в римско-персидских военных кампаниях императоров Констанция II и Юлиана, что и нашло заметное отражение в их произведениях. Поэтому вполне естественен и пристальный интерес наших историков, прежде всего к восточному направлению внешней политики Траяна, его взаимоотношениям с Парфянским царством.

Наибольшее количество фактов о парфянских кампаниях Траяна мы находим у Евтропия и Феста. Евтропий посвящает отдельный абзац восточной политике императора [Евтропий, 2001: 114], а Фест излагает итоги внешней политики Траяна в двух местах своего «Бревиария». В первом случае историк пишет об этом, когда повествует о порядке образования каждой провинции Римского государства. Во втором случае Фест возвращается к этому вопросу уже более подробно, при описании внешней политики Рима на Востоке [Festus Rufius, 1994: 21, 28].

В силу жанра, выбранного Евтропием и Фестом, мы не находим каких-либо подробностей восточных кампаний Траяна. Историки предпочитают ограничиваться только итогами, даже без указаний каких-либо хронологических ориентиров. К этому следует добавить, что не сохранилось и ни одного современного рассказа о Парфянских войнах Траяна и не было установлено никаких памятников о его подвигах на Востоке [Lightfoot, 1990: 115]. Мы почти полностью полагаемся только на выдержки из истории Диона Кассия, вместе с несколькими фрагментами «Парфии» Ариана, чтобы реконструировать причины, цели и стратегию этих кампаний.

К. Лайтфут полагает, что «одним из наиболее запутанных и противоречивых аспектов событий, произошедших во время Пар-

фянской войны, является образование римской провинции под названием Ассирия» [Ibid.: 121]. Создание Траяном ассирийской провинции, упомянутой Евтропием и Фестом, обычно рассматривалось как исторический факт, хотя оказалось невозможным найти какие-либо убедительные доказательства ее организации или достичь консенсуса относительно ее точного местоположения и масштабов. Были выдвинуты веские аргументы в пользу отождествления провинции с территорией, завоеванной во время Ктесифонской кампании 116 г. н. э.; то есть провинция Ассирия соответствует Вавилонии и должна располагаться между реками Евфрат и Тигр в центральном Ираке [Ibid.]. По всей видимости, оба историка имели в виду один и тот же географический регион.

Также сообщения Евтропия и Феста косвенно подтверждаются и Аммианом Марцеллином, когда тот описывает восемнадцать провинций Персидского царства в XXIII книге *Res Gestae* и географически располагает Ассирию в нижней Месопотамии [Ammianus Marcellinus, 1940: 356—357]. Несомненно, что познания Аммиана основывались на знаниях, полученных им во время его участия в персидской экспедиции Юлиана в 363 г. н. э.

Однако если провинция Ассирия и была основана Траяном, то следует признать, что она была настолько временной, что не оставила никаких следов в современных записях. Восстание, охватившее новоприобретенные территории в 116—117 гг. н. э., вынудило римлян немедленно покинуть эту провинцию [Циркин, 2018: 304]. Никаких дальнейших упоминаний о римской провинции Ассирия не содержится ни во время восточных кампаний Луция Вера (163—166 гг. н. э.), ни во время кампаний Септимия Севера и его преемников в первой половине третьего века. К. Лайтфут считает, что «лучше всего вообще не принимать во внимание историчность ассирийской провинции Траяна и искать другое объяснение утверждениям двух авторов четвертого века» [Lightfoot, 1990: 124].

Еще в начале III в. внешняя политика Траяна подвергалась заметной критике и мнение о новых территориальных приобретениях было не особо благоприятным. В частности, Дион Кассий, рассказывая о грандиозном строительстве Траяном моста через

Истр в ходе Дакийских войн, все же отмечает, что этот мост «не приносит нам никакой пользы» [Кассий Дион Коккейан, 2011: 100]. Итог всех восточных кампаний Траяна также неутешителен, по мнению Диона, поскольку «римляне, покорив Армению и большую часть Месопотамии, а также парфян, впустую прилагали усилия и превозмогали опасности, ибо даже парфяне отвергли Парфамаспата и вновь вернулись к прежнему образу правления» [Там же: 121]. В дальнейшем завоевания на Востоке других императоров, в частности территориальные захваты Септимия Севера, также критиковались, считались неоправданными и воспринимались как источник «постоянных войн и больших расходов, ибо прибыль... приносит совсем ничтожную, а суммы поглощают огромные» [Там же: 246]. Однако в IV в. акценты в историографии начинают смещаться в сторону гораздо более положительных оценок. Этого во многом требовала сложившаяся внешнеполитическая ситуация того времени на восточных границах Империи. Стремление отомстить за внешнеполитические неудачи III в. и установить полное господство на Востоке является тем лейтмотивом, который проходит практически через все исторические произведения IV в. Разворот во внешней политике Рима в отношении Персии начался еще с конца III в., с побед Максимиана Галерия и установления сорокалетнего нисибисского мира. Вслед за этим, после череды гражданских войн IV в., уже Константин Великий вновь возвращается к теме «глобального» персидского похода, однако смерть императора помешала в реализации его замыслов. Один из его сыновей, Констанций II, по сути, попытался продолжить, хотя и не в планировавшемся Константином масштабе, завоевательную политику на Востоке, что привело к целой серии приграничных войн Рима и Персии. Эти столкновения носили, главным образом, оборонительный характер для Римской империи и позволили, по крайней мере, сохранить статус-кво на восточных границах. Однако идея масштабного восточного похода, даже спустя тридцать лет после смерти Константина, продолжала оставаться одной из главенствующих и определяющих всю восточную политику Рима. Ее попытался реализовать преемник Констанция Юlian в 363 г., что привело к полному разгрому римской армии и гибели самого

императора. Результатом этого разгрома стал мир, заключенный императором Иовианом с Шапуром II по которому римляне отказывались от части территории Армении и Месопотамии, включая Нисибис. По сути, Рим вновь получал риск вернуться к ситуации середины III в. Поэтому вполне естественно, что и Евтропий, и Фест, находясь среди чиновничества императорской канцелярии, связывали в своих произведениях приход к власти нового правителя Валента с возобновлением завоевательной восточной политики и утверждением главенства Рима над Персией.

Именно в свете таких настроений и следует рассматривать ссылку наших историков на три новые провинции Траяна [Lightfoot, 1990: 125]. Вполне возможно, что и Евтропий, и Фест использовали Траяна в качестве образца, чтобы побудить Валента (или отразить императорские пожелания) не только восстановить провинцию Месопотамия в ее прежних границах, но и предпринять аннексию Армении и Ассирии [Ibid.]. И такой поход вновь начал планироваться правительством Валента в 374—375 гг., о чем напрямую заявляет Аммиан Марцеллин [Аммиан Марцеллин, 1935: 513]. При этом подготовка к персидской кампании включала три отдельные армии. Возможно, что Валент намеревался следовать стратегии, аналогичной той, которую успешно реализовали полководцы Луция Вера двумя столетиями ранее [Lightfoot, 1990: 125]. Несомненно, что Евтропий и Фест учитывали все эти обстоятельства и своим описанием многочисленных завоеваний Траяна приглашали Валента к более агрессивной внешней политике на Востоке.

Однако реальность, с которой пришлось столкнуться Риму в IV в., разительно отличалась от той, какая сложилась во II в. Парфянское царство, с которым воевал Траян, было уже на излете своей истории и децентрализованным («Парфянская держава истощена была внутренними распрями и тогда все еще была охвачена мятежами» [Кассий Дион Коккейан, 2011: 115]), в отличие от сильного Персидского царства Шапура II, находящегося тогда на своем подъеме. Это во многом объясняет своеобразные «взлеты и падения» римской внешней политики на этом направлении, когда за, казалось бы, успешными действиями следовала полоса стагнации или откровенного провала.

Возвращаясь к теме смены акцентов при описании восточной политики в историографии IV в., следует упомянуть и Аммиана Марцеллина, у которого, по крайней мере, в сохранившейся части его труда нет и намека на пессимизм Диона Кассия. Так, историк при описании восточных провинций Рима не забывает упомянуть «славную войну с парфянами» [Аммиан Марцеллин, 2005: 27] (“*cum glorioso Marte Medium urgeret et Parthos*”) [Ammianus Marcellinus, 1935: 70]. В дальнейшем имя Траяна упоминается исключительно в комплиментарном ключе. Траян — это тот пример и тот правитель, которому следует главный персонаж Аммиана император Юлиан и который, в свою очередь, «славою военных дел уподобился Траяну» [Аммиан Марцеллин, 2005: 72] (“*bellorum gloriosis cursibus Traiani simillimus*”) [Ammianus Marcellinus, 1935: 202].

В «Бревиарии» Евтропия описание внешней политики Траяна, по сути, превращается в энкомий императору. Историк вслед за Луцием Аннем Флором видит в правлении Траяна своеобразную «вторую молодость» Римского государства: “*Romani imperii, quod post Augustum defensum magis fuerat quam nobiliter ampliatum, fines longe lateque diffudit*” [Евтропий, 2001: 61]. При этом Евтропий не только восхвалял завоевательную политику Траяна, особенно его действия на Востоке, но также стремился показать своей аудитории пример полководца, способного утвердить окончательное главенство Рима в восточных провинциях, что было, как мы уже сказали выше, весьма актуально для IV в. Траян, без сомнения, был преувеличенно почитаем и у других историков того времени (Аврелий Виктор, Фест), но именно Евтропий делает его основным образцом для императоров-современников своего труда и, прежде всего, для Валента. Очевидное желание историка повлиять на Валента — это главный повод для столь подробного описания внешней политики Траяна. Валент только что завершил успешную кампанию на нижнем Дунае (как и Траян). Теперь, когда это достижение осталось позади, Евтропий призывает Валента последовать примеру лучшего из императоров и вернуть себе те римские владения на Востоке, которые когда-то завоевал Траян и которые с позором сдал Иовиан [Bird, 1986: 14]. Валент (и Евтропий) понимали, что персидский поход придется начинать, как только будет решена вестготская проблема.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нами источники и содержащиеся в них сведения позволяют нам сделать ряд выводов относительно понимания образа императора Траяна в поздней античности, в среде языческой историографии и биографии того времени.

Уже Плиний в своем «Панегирике» [Панегирик императору Траяну, 1983: 213] перечисляет качества императора, которые должны были обеспечить харизматическое оправдание его власти, представляя его обладающим тем, что считалось необходимым для его положения. То есть, начиная с правления Марка Аврелия, императорские добродетели стали клишированными. Во многом именно этими обстоятельствами диктовался образ для Траяна для языческой исторической литературы IV в.

Первый вывод, который нам необходимо сделать, это вывод о наличии единого структурированного образа императора Траяна в среде языческих интеллектуалов IV в. Как мы убедились, образ Траяна действительно стал во многом структурообразующим для всех наших авторов. Так или иначе, вся внешняя и внутренняя политика, моральные качества императоров явно или неявно оцениваются и сравниваются с Траяном. Аристократическая точка зрения преобладала в тех источниках, из которых историки и биографы черпали свои знания о прошлом; и во многих случаях они повторяют сенаторское одобрение или неприятие императоров, основанное на отношении этих правителей к этому высшему классу империи. В целом можно сказать, что нравы правителей часто занимают больше места, чем реальные исторические факты. Между тем, нравы имеют решающее значение не только для стиля и атмосферы правления, но и в значительной степени для всей истории империи. Таким образом, можно сказать, что моральная история римских императоров составляет основу для труда Секста Аврелия Виктора, безымянного автора «Эпитомы из Цезарей», сборника биографий SHA и отчасти Евтропия и Аммиана Марцеллина.

Второй вывод — это вывод о том, в какой степени внешняя политика Траяна в исторической литературе IV в. была одним из

элементов идеологических конструкций того времени. Как мы смогли убедиться, завоевательная политика Траяна, начиная с III в., претерпела существенную трансформацию в исторической литературе. Если первоначально внешнюю политику императора было принято критиковать с позиций ненужности и практической бесполезности некоторых его завоеваний, то с наступлением IV в. ситуация радикальным образом поменялась. Отныне об императорах стали судить во многом по их военным достижениям. Евтропий и Фест старательно перечисляют все завоевания и союзы Траяна со значительным акцентом на те территориальные приобретения, которые были сделаны на Востоке и которые были в два раза более обширны, чем на других границах, несмотря на то что завоевание Дакии было более продолжительным и гораздо более выгодным. Очевидно, что одна из причин такого акцента — это явное желание повлиять на императора Валента. Поэтому вполне естественно, что они хотели увидеть, как Валент вернет утраченные территории, что в 369 г., на момент написания бревиариев Евтропием и Фестом, было предметом серьезной озабоченности. Аммиан Марцеллин, который также принимал участие в персидской кампании Юлиана и стал свидетелем тех же прискорбных сцен, что и Евтропий, был также разгневан тем, что он считал позорным миром, заключенным Иовианом [Аммиан Марцеллин, 2005: 375].

Стремление отомстить за неудачи третьего века и установить полное господство на Востоке является лейтмотивом, проходящим через всю историю четвертого века. Евтропий, Фест и Аммиан Марцеллин с нетерпением ждали возобновления военных действий с Персией. Именно для этого и привлекался образ Траяна как наиболее удачливого полководца, который «расширил по всем направлениям» границы Римского государства, показывая, тем самым, наиболее актуальные задачи для внешней политики IV в. Историки и биографы достоверно воспроизводят главные завоевания императора, хотя жанр, выбираемый каждым из них, диктует и соответствующий набор фактов. В биографиях мы почти не видим этой деятельности. И, наоборот, в трудах, в которых совмещается жанр анналов и биографии (Евтропий и, отчасти, Аммиан Мар-

целлин) или в которых историк придерживается исключительно событийного подхода (Фест), мы видим подробнейшие перечисления тех земель, народов и провинций, завоеванных или созданных Траяном. И именно такой фактологический подход дает историкам свободу формировать «свой», особый образ Траяна для современной им аудитории.

Список источников

- Аммиан Марцеллин* Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М.: АСТ, 2005. 631 с.
- Властины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана* / под ред. А. И. Доватура, пер. С. Н. Кондратьева. М.: Наука, 1992. 384 с.
- Данилова В. Ю.* Особенности прихода к власти императора Траяна // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С. 63—67.
- Евтропий.* Бревиарий от основания Города / пер. с лат. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной. СПб.: Алетейя, 2001. 305 с.
- Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб.: Алетейя, 2004. 250 с.
- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV—LXXX / пер. с древнегр. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
- Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего / отв. ред. А. И. Доватур, пер. В. С. Соколова. М.: Наука, 1983. 408 с.
- Секст Аврелий Виктор.* Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV века / пер. В. С. Соколова М.: РОССПЭН, 1997а. 414 с.
- Секст Аврелий Виктор.* О Цезарях // Римские историки IV века / пер. В. С. Соколова М.: РОССПЭН, 1997б. 414 с.
- Циркин Ю. Б.* Политическая история Римской империи: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 464 с.
- Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима: в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова. Т. 1. М.: Наука, 1985. 432 с.
- Ammianus Marcellinus / with an English translation J. S. Rolfe: in 3 vols.* Vol. I. L.: Harvard University Press, 1935. 589 p.

- Aurelius Victor*. Livre des Césars / Texte établi et traduit par P. Dufraigne. Paris: Société D'Édition "Les Belles Lettres", 1975. 216 p.
- Bennet J. Trajan: Optimus Princeps*. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 312 p.
- Bird H. W. Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial policy in A. D. 369/370 // Florilegium*. 1986. № 8. P. 11—22.
- Birley A. R. The Historia Augusta and Pagan Historiography / Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A. D.* / ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 127—151.
- Boer W. den Some minor Roman Historians*. Leiden: Brill, 1972. 241 p.
- Burgersdijk D. Pliny's Panegyricus and the Historia Augusta // Arethusa*. 2013. Vol. 46, no 2. P. 289—312.
- Christ K. Kaiserideal und Geschichtsbild bei Sextus Aurelius Victor // Klio*. 2005. Vol. 87. P. 177—200.
- Epitome de Caesaribus*. Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus / rec. F. Pichlmayr. Lipsiae [Leipzig]: in aedibus B. G. Teubneri, 1911. P. 133—176.
- Festus Rufius. Abrege des hauts faits du peuple romain / Texte établi et trad.* par M.-P. Arnaud-Lindet. P.: Société D'Édition "Les Belles Lettres", 1994. 81 p.
- Haake M. "In Search of Good Emperors". Emperors, Caesars, and Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Patterns in the Historia Augusta — Some Considerations / Antimonarchic Discourse in Antiquity / ed. by H. Borm*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 269—305.
- Lightfoot C. S. Trajan's Parthian war and the fourth-century perspective // The Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 115—126.
- Plini Caecili Secundi. Epistularum libri novem. Panegyricus / rec. H. Keil*. Lipsiae [Leipzig]: sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1873. 314 p.
- Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity*. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 324 p.
- Scriptores Historiae Augustae / ed. E. Hohl*: in 2 vols. Vol. 1. Leipzig: Teubner, 1971. 312 p.
- Thienes E. M. Remembering Trajan in fourth-century Rome: Memory and identity in spatial, artistic, and textual narratives*. 2015. URL: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/46902/Research.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

References

- Ammian Martsellin (2005), *Rimskaia istoriia* [Roman history], Translated by Kulakovskiy, Yu. A. and Sonni, A. I., AST, Moscow, Russia.
- Ammianus Marcellinus* (1935), with an English translation J. S. Rolfe, vol. I. Harvard University Press, London, England.
- Aurelius Victor (1975), *Livre des Césars*, Texte établi et traduit par P. Du-fraigne, Société D’Édition “Les Belles Lettres”, Paris, France.
- Bennet, J. (2005), *Trajan: Optimus Princeps*, Routledge, London; New York, UK, US, N. Y.
- Bird, H. W. (1986), Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial policy in A. D. 369/370, *Florilegium*, no. 8: 11—22.
- Birley, A. R. (2003), The Historia Augusta and Pagan Historiography, in Marasco G. (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A. D.*, Brill, Leiden; Boston: 127—151, US, Mass.
- Boer, W. den (1972), *Some minor Roman Historians*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Burgersdijk, D. (2013), ‘Pliny’s Panegyricus and the Historia Augusta’, *Aretusa*, vol. 46, no. 2: 289—312.
- Christ, K. (2005), ‘Kaiserideal und Geschichtsbild bei Sextus Aurelius Victor’, *Klio*, vol. 87: 177—200.
- Danilova, V. Yu. (2015), ‘Features of the coming to power of Emperor Trajan’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoryia* [Bulletin of Tomsk State University. History], no. 4: 63—67.
- Epitome de Caesaribus (1911), in Sexti Aurelii Victoris (ed.), *Liber de Caesaribus*, Translated by Pichlmayr, F., in aedibus B. G. Teubneri, Lipsiae [Leipzig], Germany: 133—176.
- Evtropius (2001), *Breviarii ot osnovaniia Goroda* [Breviary from the founding of the City], Translated by Kareev, D. V. and Samutkina, L. A., Aleteia, St. Petersburg, Russia.
- Festus Rufius (1994), *Abrege des hauts faits du peuple romain*, Translated by par Arnaud-Lindet, M.-P., Société D’Édition “Les Belles Lettres”, Paris, France.
- Haake, M. (2015), “In Search of Good Emperors”. Emperors, Caesars, and Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Patterns in the Historia Augusta — Some Considerations’, in Borm, H. (ed.), *Antimonarchic Discourse in Antiquity*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, Germany: 269—305.

- Kareev, D. V. (2004), *Pozdnerimskaia istoriografija pered vyzovom vremeni: Evtropii i ego "Breviarii ot osnovaniia Goroda"* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his “Breviary from the founding of the city”], Aleteia, St. Petersburg, Russia.
- Kassii Dion Kokkeian (2011), *Rimskaja istoriia. Knigi LXIV—LXXX* [Roman history. Books LXIV—LXXX], Translated by Makhlayuk, A. V., Nestor-Istoriia, St. Petersburg, Russia.
- Lightfoot, C. S. (1990), ‘Trajan’s Parthian war and the fourth-century perspective’, *The Journal of Roman Studies*, vol. 80: 115—126.
- ‘Panegyric to Emperor Trajan’ (1983), in Dovatur, A. I. (ed.), *Pis’ma Pliniia Mladshego* [Letters from Pliny the Younger], Translated by Sokolov, V. S., Nauka, Moscow, Russia.
- Plini Caecili Secundi (1873), *Epistularum libri novem. Panegyricus* in Keil, H. (ed.), *sumptibus et typis B. G. Teubneri, Lipsiae* [Leipzig], Germany.
- Rohrbacher, D. (2002), *The Historians of Late Antiquity*, Routledge, London; New York, UK, US, N. Y.
- Scriptores Historiae Augustae* (1971), E. Hohl (ed.), in 2 vols, vol. 1, Teubner, Leipzig, Germany.
- Sekst Avrelii Viktor (1997b), ‘About the Caesars’, *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Sokolov, V. S., Rossiiskaia politicheskia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Sekst Avrelii Viktor (1997a), ‘Extracts on the life and manners of the Roman emperors’, *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Sokolov, V. S., Rossiiskaia politicheskia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Shtaerman, E. M. (1985), ‘From citizen to subject’, in Golubtsova, E. S. (ed.), *Kul’tura drevnego Rima* [Culture of ancient Rome], vol. 1, Nauka, Moscow, Russia.
- Thienes, E. M. (2015), *Remembering Trajan in fourth-century Rome: Memory and identity in spatial, artistic, and textual narratives*, available at: URL: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/46902/Research.pdf> (Accessed 11 April 2023).
- Tsirkin, Yu. B. (2018), *Politicheskaiia istoriia Rimskoi imperii* [Political history of the Roman Empire], vol. 1, Izdatel’stvo RGPU imeni A. I. Gertse na, St. Petersburg, Russia.
- Vlasteliny Rima. Biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana* (1992), [Rulers of Rome. Biographies of Roman Emperors from Hadrian to Diocletian], Dovatur, A. I. (ed.), Translated by Kondratev, S. N., Nauka, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Кареев — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Россия.

D. V. Kareev — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.